

УДК37.022(470) “19”

Семёнова Ю. А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

**ПРОБЛЕМА ДИСТАНЦИИ «ПИСАТЕЛЬ-РЕБЁНОК»
В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОЛЕМИКАХ 60-70-Х ГГ 19 ВЕКА:
АНТОНОВИЧ, УШИНСКИЙ, ТОЛСТОЙ¹**

Y. Semenova

Lomonosov Moscow State University

**THE PROBLEM OF DISTANCE “WRITER-CHILD” IN PEDAGOGICAL
CONTROVERSY OF THE 60-70S IN THE 19TH CENTURY: ANTONOVICH,
USHINSKIY, TOLSTOY**

Аннотация. 60-70 года 19 века проходят под знаком осознания литературы для детей как отдельного типа литературы. Вскрываются многие проблемы, в частности, проблема о дистанции, которая должна или не должна быть между автором и адресатом-ребёнком, чтобы рассказы получили желаемый отклик у детской аудитории. В статье представлены размышления на этот счёт Антоновича и Толстого, не принимавших подход Ушинского. Работа делает также шаг к пониманию того, как взгляды Толстого на педагогику оказали влияние на его литературное творчество.

Ключевые слова: литература, дети, книга, школа, психология, педагогика, филология, стихотворение, рассказ.

Abstract. The 60-70 years of the 19th century were marked by the awareness of children’s literature as a distinct type of literature. Many problems were revealed, in particular, the problem of distance, which should or should not be between the author and the child as recipient, for the stories to get the desired response from an audience of children. This article presents reflections on this subject of Antonovich and Tolstoy, who couldn’t accept Ushinskiy’s approach. The work also makes a step toward understanding how Tolstoy’s views on pedagogy influenced his literary work.

Key words: literature, children, book, school psychology, pedagogy, philology, poem, short story.

В девятом номере «Современника» за 1861 год в разделе «Современное обозрение» была напечатана статья уже постоянного на то время сотрудника издания М.А. Антоновича, в которой он давал характеристику «Детскому миру и Хрестоматии» К.Д. Ушинского [1]. Автор статьи довольно резко раскритиковал несоответствие положений, заявленных в предисловии книги Ушинского, основному тексту. В предисловии, к примеру, говорится о том, что для детского чтения не подходят как сцены описания исторических событий, так и сцены из жизни маленьких детей. Тем не менее, по замечанию Антоновича, всё это можно обнаружить на страницах пособия. Далее критик подробно останавливается на сценах из жизни детей и вопросе о дистанции между рассказчиком и адресатом – детской аудиторией.

«Ушинский, подобно многим другим сентиментальным педагогам, воображает себе детей какими-то барашками, наивными, невинными и глупенькими, поэтому он и сам ребячится, старается подделаться под детский лепет, и дразнит детский мир и детские понятия» [1], – пишет Антонович. Дистанция стёрта, но стёрта, по мнению критика, искусственно. «Уже во втором классе гимназисты не считают себя ребятами и очень обижаются, когда с ними обращаются и говорят по-детски, – отмечает он. – Они просто с отвращением будут читать, если

только будут, такие, например, детские речи: «Я ещё маленький, не очень велик, но пройдёт несколько времени, я вырасту, сделаюсь большим». О третьем и четвертом классе и говорить нечего» [1]. Антонович подчеркивает, что «дети терпеть не могут книг, в которых заметна хоть малейшая претензия на ребячество, на усиленную подделку под детский лад» [1]. Он приводит в пример рассказы «Два козлика», «Одуванчик», рассказ о беседе ручейка и мальчика. Критик называет их «побасенками», «лепетом». «Точно колыбельная сказочка», – пишет он. И далее дает некоторые разъяснения того, что понимается под «лепетом»: «Мир Божий» составлен гораздо толковее «Детского мира»; однако и его неохотно читают и в нём неприятно поражают детей постоянные уменьшительные имена...» [1]. По замечанию Антоновича, Ушинский сам понимал, что детьми «детский лад» не воспринимается, «хотя и не сумел устранив такой недостаток в своей книге».

В конце статьи критик приходит к довольно неожиданному выводу: «В статьях «Детского мира» говорит холодный наставник, иногда как будто недовольный детьми резонёр». В чём это проявляется, Антонович не пояснил. Здесь ясно одно – автор ни в одном из случаев не делает своего читателя равным себе партнёром «диалога».

При всём том, что тут, конечно, полемика и идеологическая, выступление Антоновича вскрывает важную проблему, особенно острую для начала 60-х годов 19 века, поскольку время знаменует собой начало осознания литературы для детей как отдельного типа литературы. Это проблема дистанции, которая должна или не должна быть между автором и адресатом-ребёнком, чтобы рассказы получили желаемый отклик у детской аудитории.

Достаточно удачное решение находит яснополянский педагог Л.Н. Толстой. В произведениях автора, работа над которыми велась и до, и уже после написания «Азбуки», обнаруживается немало примеров, доказывающих, что писатель осознаёт стремление детей «казаться взрослыми».

В «Войне и мир» Анна Михайловна обращается к маленькой Наташе Ростовской и спрашивает, дочкой ли ей приходится кукла. Наташе, замечает автор, «не понравился тон снисхождения до детского разговора, с которым гостя обратилась к ней. Она ничего не ответила и серьёзно посмотрела на гостью» [3, т. 9, с. 48].

Когда Наташу просят исполнить песню перед взрослыми гостями, она «немного робует», но всё-таки «была очень горда», ведь к ней обратились «как к большой» [3, т. 9, с. 79].

В романе «Анна Каренина» Толстой, описывая поведение Тани – маленькой дочери Дарьи Александровны – в церкви, подчеркивает: «Таня стояла как большая и смотрела за маленькими» [3, т. 18, с. 278].

Точно так же в письме Толстого к родственнице – А. А. Толстой – он описывает поведение уже своей восьмилетней дочери Татьяны: «Лучшее её удовольствие – возиться с маленькими... Её мечта теперь сознательная – иметь детей» [3, т. 61, с. 334].

По всей видимости, Толстой решает для себя и вопрос о дистанции между взрослым и ребёнком. Показательна сцена из того же романа «Анна Каренина»: «Блестящие нежностью и веселием глаза Серёжи потухли и опустились под взглядом отца. Это был тот самый, давно знакомый тон, с которым отец всегда относился к нему и к которому Серёжа научился уже подделываться. Отец всегда говорил с ним, – так чувствовал Серёжа, – как будто он обращается к какому-то воображаемому им мальчику, одному из таких, какие бывают в книжках...» [3, т. 19, с. 96].

Дети, по мнению Толстого, действительно, не могут чувствовать себя раскованно, быть самими собой, если ощущают между собой и взрослым непреодолимую дистанцию или дистанцию искусственно стертую. Один из учителей яснополянской школы П.В. Морозов писал в воспоминаниях, что каждый ученик чувствовал себя в толстовской школе как дома, «никто здесь никого не обязывал быть внатяжку» [4]. Сам Толстой подчёркивал в педагогических сочинениях, что необходимо

отказаться «от старого взгляда на школу как на дисциплинированную роту солдат, которой нынче командует один, завтра другой поручик» [2].

Одним из секретов доброжелательной обстановки в школе, доброжелательных отношений ученика и учителя и становится их общение «на равных». В сентябрьской книжке педагогического журнала Толстого «Ясная поляна» за 1862 год писатель публикует статью «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?». В статье, по сути, и описан механизм взаимоотношений ученика и учителя. Здесь есть ряд интересных моментов.

Во-первых, показательно то, что ученики в некоторых случаях называют учителя на «ты». Толстой делает здесь примечание: «Федька (один из учеников – Ю.С.) говорит мне «ты» тогда, когда бывает увлечён и взволнован» [3, т. 8, с. 310]. И учитель, как следует из статьи, не одёргивает ученика, понимая, что ученик стирает дистанцию как раз не искусственно. Он просто поддаётся чистым эмоциям.

Второй интересный момент заключается в следующем. Толстой, о чём он сам пишет в статье, предлагая ученикам ту или иную тему сочинения, нередко указывает на то, как бы он сам написал историю. Однажды он предложил ученикам написать «историю мальчика, у которого бедного и распутного отца отдали в солдаты...» и придумал такое начало: «Помню я, когда я был маленьким, что у меня были мать, отец и ещё какие-нибудь родные...» [3, т. 8, с. 311]. Очевидно, чуткий психолог Толстой прекрасно осознавал, как дети реагируют на сигнал «когда я был маленький».

Непосредственно в «Азбуке» напечатано несколько рассказов именно с таким зачином, например: «Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами...», «Когда я был маленький, меня пугали слепыми нищими, и я боялся их...» и т. д. Авторами большинства подобных рассказов явились девяти-десятилетние ученики графа Толстого.

По этим произведениям, обнаруживающим яркий элемент детской психологии, и обучались впоследствии дети.

Показательно, что в тех рассказах, автором которых был сам писатель, нет никаких искусственных форм, «подделывания под детский лад». Получив в 1876 году письмо детского писателя Е.В. Львова с высокой оценкой яснополянских рассказов для детей, Толстой отвечал, что эти рассказы и басни «есть просянное из в 20 раз большего количества приготовленных рассказов, и каждый из них был переделыван по 10 раз» и стоил «большого труда, чем какое бы ни было» из его писаний. Главная трудность, по словам автора, состояла в том, чтобы «было просто, ясно, не было бы ничего лишнего» [3, т. 62, с. 250].

Л.Н. Толстой считал, что главные пороки большинства современных ему детских книг – трафаретный, напыщенный язык. Как и Антонович, он высмеивает так называемый «приятный стиль», в частности, «Детского мира» Ушинского. Автора «Азбуки» раздражают «сладкие эпитеты» и формы с уменьшительными суффиксами, такие как: жучок, паучок, зайчик, котик и др. [3, т. 8, с. 281]. Сам Толстой последовательно избегал таких форм в произведениях для детей. Избегал он и прямых обращений к детям, о которых также с негодованием писал Антонович: «милые дети», «дорогие дети», да и просто «дети».

Несмотря на неприятие Толстым леворадикальных взглядов, сторонником которых являлся Антонович, здесь два автора находят точку соприкосновения. Проблема дистанции «писатель-ребёнок» является актуальной по сей день, и до сих пор разные авторы решают её для себя по-разному.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Современник». – 1861. – № 9. – 262 с.
2. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. – М., 1989. – 542 с.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 тх. – М.-Л., 1928-1958.
4. Яснополянская школа им. Л.Н. Толстого // Материалы научной сессии Акад. пед. наук РСФСР, посвященной 100-летию Яснополянской школы. – М., 1960. – 87 с.